
Изяслав КОТЛЯРОВ

* * *

В истинной, истовой, сущей
правде неласковых дней
воля безволия лучше
страха без воли моей.
Дом обретаю вне дома,
в свете, ласкающем тьму.
Слышу ворчание грома,
а ничего не пойму.
Чем он иль кем недоволен?
Гнева уже не таит...
Волен я тем, что неволен,
тем, что еще предстоит.
Выжил поэзией прозы
там, где бесправны права...
Трудно мне сдерживать слезы,
слезы, в которых слова.
Сердце испуганно сжалось:
нету моления в мольбе.
Эту прощальную жалость
сам возвращаю себе.

* * *

Меня то гладит время, то дерет,
как будто бы еще не понимает,
что я беру лишь то, что мне дает,
и отдаю лишь то, что отнимает.
Но истина обманчиво дана,
и потому я трусостью смелею:
за тишиной уже не тишина,
а только то, что быть хотело ею.

Изяслав Григорьевич Котляров родился в 1938 году в г. Чаусы Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Работал в газете летчиков гражданской авиации «Западная трасса», в светлогорской районной газете. Был директором Светлогорской картинной галереи «Традиция» имени Германа Прянишникова. Состоял в Союзе писателей СССР, а теперь — в Союзе писателей Беларуси и Союзе российских писателей. Автор более двадцати поэтических книг. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Юность», «Смена», «Студенческий меридиан», «Нева», «Аврора», «Форум», «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Неман», «Немига литературная» (Минск), в альманахах «Поэзия» (Москва), «День поэзии» (Москва), «Встречи» (Филадельфия), «Поэтический Олимп» (Москва), «День поэзии» (Минск), в «Литературной газете», «Литературной России» и других изданиях. Живет в г. Светлогорске.

Вдруг жарко даже там, где дышит стынь,
и вдруг темно, где медленно светает,
но знаю я, что даже и полынь
без корня своего не прорастает.
Что днями исчезаю от погонь,
что бедностью и впрямь живу безбедно,
что как в кремне скрывается огонь,
так и душа порою незаметна.

* * *

Оказался «перелетной птицей» —
от небес к себе же улетал.
Патриот, а умер за границей, —
непатриотично умирал.
Непатриотично похоронен, —
да, в случайной все-таки земле.
Сам себе сказал в прощальномestone:
«Никогда не плачьте обо мне...»
Что ему ответить, я не знаю, —
чувствую дыханием слова...
Каждым днем живу и умираю,
где Отчизна все-таки жива.
Хоть и разорвали на границы
бутафорски как-то навсегда,
но летают перелетно птицы
в те же села, в те же города.
Птицей проще быть, чем человеком...

* * *

Очевидность очевидца,
даже более того...
Плачет совесть от бесстыдства,
от бесстыдства своего.
Все — за ясностью туманной,
за словами, что без слов,
за правдивостью обманной,
быть которой не готов.
Явь как будто под секретом —
оговор иль уговор?
Но зачем опять об этом?
Эхо целится в упор.
Голоса — во мне, за мною,
предо мною, надо мной.
Небо дышит глубиною
или бездною земной?
Жизни прожитая повесть —
миг не вспыхнул, а померк...
Коль «умри!» прикажет совесть —
умирает человек.

* * *

А выбор есть, а выбор есть
и в этой круговерти:
жизнь после жизни или смерть,
но тоже — после смерти.
Хоть сам уже спросить готов,
живучий и живущий:
«Коль это — лучший из миров,
то где, скажите, худший?»
Дыханье путаю и дух,
а память — вне забвений...
Я глух... Не только слухом глух —
не слышу оскорблений.
Молчу, неистово молчу.
Слова в слезах промокли.

Взглянуть на оклик не хочу —
опережает оклик...
Ну что ж, веди меня, веди,
пусть эхо привыкает
и даже где-то впереди
зовет и окликает.

* * *

Даже некого винить
откликом и зовом...
Правде можно изменить,
а себе — ни словом.
Стыдно честной синевы,
тишины молчанья...
Вот и вышел из молвы
в чистоту дыханья.
Так реальны речка, луг,
даль уже без далей...
Оказалось, в жизни вдруг —
никаких реалий.
Над собой и впрямь стою,
в струях растекаюсь —
долго в речке тень свою
рассмотреть пытаюсь.
Только тенью я — река,
луг я — только тенью
здесь, где годы и века
отданы мгновенью.

* * *

Станет ли целое частью?
Смелость похожа на страх...
«Воля — стремление к счастью», —
думал еще Фейербах.
Нет, никогда не привыкну
жизнь после жизни я ждать...
Надо ли волю инстинкту
в рабство уже отдавать?
Истины, что ли, боится?
Дальше забвенья смотрю.
Что-то безлико таится
здесь, где добро — не к добру.
Молча подскажет Всевышний:
быть — это значит не быть.
Только отчаявшись в жизни,
можно ее полюбить.